

Пять необходимых дел в образовании

Антон ЗВЕРЕВ, журналист

Разные позиции — разные программы

В прессе опубликована едва ли не самая амбициозная, судя по некоторым отзывам, программа развития образования, подготовленная специалистами из Высшей школы экономики по заказу президентского Центра стратегических реформ. Между тем существует другое, отличное от официального видение болевых проблем отечественной школы и того, как их можно решать. Его предлагает группа независимых экспертов в области образования во главе с доцентом МГУ Милославом Балабаном. Какова же позиция авторов альтернативной концепции — представителей новой волны в нашем образовании?

Не будем, пишут они, обманываться сами и обманывать людей: в школьных реформах во всём мире наступила бессрочная пауза. По-настоящему новых, с дальним прицелом, реалистичных идей не видать — кажется, всё уже было, ходим по кругу. Идейный застой. Самые прогрессивные, казалось бы, экономические новшества (вспомним британский школьный ваучер на предъявителя вкупе с введением национального учебного плана) на деле зачастую оборачиваются для отрасли очередным закручиванием гаек, перекрывая кислород неординарным школам и целым направлениям, отчего и отвергаются общественностью, всё более разочарованной и равнодушной к судьбам просвещения.

Последний наглядный пример — представленная нашему обществу стратегия реформ по Грефу, раздел «Модернизация образования» в общей программе правительства на долгосрочную перспективу. К слову, этот раздел открывает программу. Факт знаменательный, но что за ним?

Снова занесён топор секвестра над малочисленными сельскими школами (кому они мешают?). Вновь панацеей объявляется один на всю страну стандартный план занятий. Опять, в который раз, настраиваем школу на вуз, ничего по сути не меняя.

Исходный посыл «модернизаторов»: теневые репетиторские деньги, исчисляемые ныне баснословной суммой с девятью нулями, не доходят до вузовской кассы. Уже отсюда видно, в чьих интересах задуман очередной передел образовательного пирога.

Решение: вступительные экзамены в вузах отменяются в пользу единого государственного тестирования для выпускников школ в исполнении компьютера (хватит ли, кстати, компьютеров?). Набрал 100 баллов, поступаешь бесплатно в МГУ; а если меньше — доплати или иди учиться в менее престижный вуз.

Прогнозируемый результат: у школьников, говорят, появится материальный стимул хорошо учиться (на самом деле — лишь у тех, кто собирается в вуз). Да, конкурсное право на высшее образование подкрепляется экономически, но кто в результате обогатится за счёт «именных обязательств»? Кроме того, откуда следует, что компьютерный тест с набором ответов, из которых остаётся только выбрать правильный, является **объективным показателем качества образования?**

Не подлежит сомнению, что с отменой вступительных испытаний центр борьбы за право стать студентом переместится из вуза в школьное здание, вместе со всеми вытекающими из кармана родителей и втекающими в школу «чёрными потоками». Интересно также, как предполагается бороться с коррупцией внутри самих высших учебных заведений? В той же столице, по данным газеты «МК», средняя цена сессии вполне официально колебалась весной от 120 долларов в Московском авиационном до 500 в Архитектурном и Медико-стоматологическом институтах. Вывод из сказанного очевиден: хорошая в принципе идея (отменить один из двух испытательных стрессов — вузовский либо школьный экзамен) снова становится невыполнимой. Между тем яснее ясного: чтобы экзамен отменить, нужно его лишь... отменить, и всё.

Отсюда **первый пункт программы самых неотложных дел: выпускные экзамены в школе должны быть упразднены как обязательные.** Необходимо изменить их статус, превратив из всеобщей императивной повинности в почётное право (для желающих). В прессе уже достаточно сказано о том, как выпускная нервотрёпка влияет на здоровье молодых (бессонницы, обмороки, переутомление, обострение хронических язв). Но важнее, пожалуй, другое: для большинства учеников, покидающих школу, по данным независимых опросов, достаточно суммарных годовых отметок, проставленных во вкладыше к документу о среднем образовании. Без всяких дополнительных проверок. В Москве, например, **в среднем почти половина выпускников отказывается сдавать выпускные экзамены, представляя оправдательные (нередко фальшивые) документы от врачей.** Или их голос ничего не значит для политиков? Ради какой такой высокой цели школа вынуждает детей лгать? В большинстве благополучных стран одно из этих зол давно и успешно отменено.

Независимые эксперты «Новых Известий» убеждены, что упразднение школьных экзаменов на выходе для тех, кто не видит в них смысла, станет первым шагом по пути реального оздоровления и перевода отрасли из ненавистной народу **фабрики страха (школу боятся все, от мала до велика, — причём взрослые порой даже сильнее малышей)** в более или менее гостеприимную, цивилизованную службу образования.

Школа должна служить народу, это аксиома. Но в действительности происходит так: обсудили очередной проект переделки учебных программ, утвердили новые ориентиры в Белом доме и — прощай, вариативность! Ученик опять приходит сюда лишь за тем, чтобы покорно отсидеть свой срок за партой. Служит учителю, учебнику, программе, будущему аттестату... По расписанию, которое составлено на десять лет вперёд. Тут уж не до собственных исканий.

В жизни люди выбирают всё и на каждом шагу — вещи для себя, продукты, вид транспорта, цель, путь и конечный пункт путешествия. Выбор вне школы — это не разовый акт, а **естественное состояние.** А в школе? На пороге третьего тысячелетия пора понять: сферу педагогического сервиса мы превратили в антисервис, в службу со знаком минус, в обязательную армию для детей и подростков.

Все реформаторы образования стремились так или иначе облегчить службу ребёнка школе. Это, однако, не меняло самой сути школьной подневольщины. Поэтому мы твёрдо верим, что школа **должна стать нормальной, честной службой, умело присматривающей за тем, чтобы каждый в ней нашёл себе место, дело и мастера-наставника по душе.** Вот стратегическая, дальняя цель. Её, кстати, днём с огнём не сыщешь в материалах «модернизаторов».

Инструментом решения этой задачи могут стать, уже сегодня, переходные меры, в частности, — **постепенный, мягкий, добровольный переход к школе полного дня. И это — второй пункт программы.**

Рассуждая о преимуществах западных систем образования, политики, случайно или нет, совсем не говорят о том, что учитель во Франции или в Канаде работает с детьми весь день, по существу — в режиме полупансиона. Подобно предприятию торговли, служба просвещения работает с утра до вечера — классы открыты для учеников весь день, их не делят на смены — вот мировой стандарт образования-службы. В британских государственных школах (state schools) ученики занимаются до половины четвёртого. В Бельгии кружки по интересам все до одного организуют и ведут во второй половине дня родители учащихся. Школа для маленьких японцев стала, как они сами признаются, вторым домом: после обязательных уроков преподаватели оказывают детям индивидуальные услуги: консультируют, встречаются с родителями и т.д. Поэтому и перемены между уроками длиннее, и жизнь богаче на события и краски. И так во всём цивилизованном мире.

Так было и в России вплоть до 1917 года, пока большевики под известными лозунгами и предлогом нехватки помещений не превратили государственную школу в массовую «забегаловку»: ученики приходят её отсидеть, учителя — отработать свои «клетки в распи-

сании». Кроме того, официальная статистика гласит: у нас сегодня 36 % школ работают в две, а то и в три смены. Пора официально признать: такие школы-муравейники, где дети годами не слышат друг друга, не только анахроничны, заформализованны, травмоопасны, конфликтогенны, не только противоречат всем элементарным правовым и санитарным нормам, но и попросту неэффективны как образовательные учреждения. Это большая беда для детей и родителей.

Если мы озабочены всплеском преступности среди подростков, если и вправду желаем вписать наши многопоточные «распределители знаний» в европейское культурное пространство, согласимся: **школа не должна выталкивать ребят на улицу после уроков. Там, во дворе, за них никто не отвечает.**

Авторы новой стратегии реформ сулят наставникам детей очередное повышение зарплаты, в перспективе обещая даже довести её уровень до европейского. Возражений нет: **учителю нужно платить достойно.** Но — учителю, а не урокодателю. Учитель отвечает за детей, урокодатель — только за свой предмет. Он нередко и ребят по имени не помнит, потому как должность у него другая — почасовик. Сказать об этом важно именно сейчас, в условиях растущей безработицы, когда, осознавая это или нет, преподаватели мало-помалу начинают дорожить своим рабочим местом.

Мы называем педагогов государственными служащими, но забываем, что у служащих полный рабочий день. О какой реформе управления и самоуправления может идти речь, если даже собрать учителей на совещание — проблема для директора: одни ещё не пришли, другие уже отработали и разбежались по частным урокам. Поэтому повышать зарплату следует параллельно с решением проблемы полной занятости учителей. Не очевидно ли, что только школа, отпускающая пап и мам на работу на полный день, способна обеспечить обществу надёжные тылы, а заодно сберечь родительские нервы, силы и время для всех остальных реформ в полуразрушенной державе?

Рождаемость в стране заметно падает, а через 8 лет число учеников, по данным Госкомстата, поредет на треть. Может, хоть драматическая ситуация поможет преодолеть многосменность отечественного «наробраза» (вместо того чтобы переходить на двенадцатилетку).

Классный — не значит хороший

Третий пункт программы неотложных дел: необходимо уравнивать в правах традиционные учебные предметы и клубно-факультативную, досуговую часть школьного пространства с его свободными кружками, мастерскими, секциями, клубами, ремёслами, компьютерными залами, экстернатом, курсами подготовки в вузы.

Реформаторы последнего призыва многословно рассуждают о приоритете интересов личности над государственными, о воспитании способности ребёнка к самоорганизации и поиску себя. Однако совершенно непонятно, что искать ребёнку в поминутно расписанном школьном распорядке, где, говоря по совести, давно уже всё «найдено» и вывешено в виде государственного расписания в фойе.

Предлагаем дать ученику возможность весь день выбирать не только интересные ему предметы, лаборатории или кружки, но также и наставников-руководителей по вкусу и потребностям. Ученик вправе работать в школе-службе не только головой, но и кистью, резцом, паяльником, отвёрткой, руками, ногами, всеми органами чувств. Работать продуктивно, творчески, что и фиксируется педагогом в **персональной папке достижений** школьника.

Студия отличается от класса тем, что умеет работать на его интересе. Каждый новый посетитель вносит свои силы, опыт, интеллект в общую «кассу». В студии тоже есть учебник, книга, энциклопедия. Но, как и в жизни, книга служит только справочным пособием, необходимым руководством к действию. Это принципиальный пункт, поскольку 90% ребят, по данным американских ученых, не способны учиться с книгой в руках — функ-

ционально неграмотны. А каждый десятый, как свидетельствуют английские генетики, **болен врождённой неграмотностью, дислексией**: школа из букв и слов, компьютерная в том числе, им противопоказана.

Им необходимо иначе организованное образование. Устанавливать на первых порах для ребят предельное число свободных и обязательных посещений тех же уроков или студий (скажем, в пропорции 20:80 или 30:70) нельзя ни в коем случае, поскольку школа, как и рынок, не умеет быть чуть-чуть или наполовину свободной. Либо — права детей, либо — опять командная система, обязателька под новой вывеской.

Известно, что во всех экономически развитых странах, а также в России, доля ребят, поступающих в вузы, традиционно не превышает 20% от числа выпускников. Значит, надо дать возможность остальным (а их большинство!) свободно и активно искать себя в необязательном мире взрослых ремёсел.

Наука и опыт давно доказали: **человека утомляет не столько работа, сколько принудительная отработка**. Детей это касается в первую очередь. По существу, мы тут давно смирились с беспощадной эксплуатацией детского труда, к тому же на девять десятых бессмысленного, что убедительно доказало исследование сотрудников Института Гэллага в девяти ведущих странах мира (1988 г.).

Покончить с перегрузками в образовании — значит не ограничивать активность детей занятиями обязательного цикла. Синдром неволи — главная причина школьных перегрузок — возникает на любом уроке, куда детей загоняет расписание. Но там, где не нужно силой обеспечивать внимание учеников, методы работы с ними станут проще и разнообразнее.

Подобные классы без стен, где можно выбирать себе забаву — дело! — по вкусу впервые появились в городе Июкогама и пользуются огромной популярностью среди японских школьников. Словом, пора всерьёз расширить (а не загонять в ту же стандартную казарму) наше представление о школе, об образовании. Что, собственно, и означает уравнивать по статусу необязательные школьные занятия с обязательными. А значит — государственный и личный аттестат («пакет достижений»).

Чтобы проверить, надо поверить

Четвёртый пункт программы необходимых дел: право школьника на свободный поиск своего места в расписании должно быть подкреплено юридически. Результаты работы детей в кружках и студиях могут оформляться в личном сертификате. Личный сертификат (пакет достижений, рекомендательных писем) содержит отзывы учителей, руководителей кружков и мастерских о персональных талантах, умениях аттестуемого; он равноценен формальному аттестату.

В школе с открытыми на вход и выход классами администрация не делит детвору на студийцев и учеников, хотя ученик может быть и вечным студийцем. Значит, он будет ходить сюда за отзывами педагогов-профессионалов о своей работе. Сумма отзывов и представляет собой пакет достижений. В одном отзыве будет написано: «Вася Н. свободно говорит на двух языках», в другом — «Пишет без ошибок». А в рекомендательном письме: «Отремонтировал такие и такие двигатели», «восстановил мебель», «работал кулинаром в школьном кафе» и т.д. При необходимости учитель заверяет свой отзыв личной, именной печатью, подписью (подобно врачу) и персонально отвечает перед государством за объявленные в нём достижения аттестуемого. Личный сертификат определяет социальный статус его обладателя, он может быть востребован во всех случаях жизни — при приёме на работу, поступлении в вуз, на армейскую службу и т.д.

Каждый ребёнок получает кредитную карточку (образовательный полис), обеспечивающую ему, согласно утверждённому поддушевому нормативу, комплекс образовательных услуг, предоставляемый школой по его желанию и набираемый учеником по ходу обучения. Деньги, выданные государством, ученик расходует по мере передвижения из класса в

класс (студию), от педагога к педагогу.

Таким образом, финансы движутся от потребителя к исполнителю, носителю педагогических услуг напрямую, без посредников: кредит расходуется тем, кому он выдан, по кредитной карточке (образовательному полису). А учитель получает гарантированную плату за свою работу, будь то на уроке, в студии или на дополнительном занятии. Отношения между учителем и учеником определяются Гражданским кодексом. Это будут уже не «хозяин» и «раб», а два равноправных лица — клиент и работник педагогического сервиса.

Выписывая по окончании образовательного цикла аттестат или сертификат, школа тем самым полностью погашает кредит, отпущенный государством ребёнку на его образование. Точно так же и учитель, оформляя персональный отзыв об ученике, погашает свою часть кредита.

В альтернативной программе указывается: сильному государству, динамичной экономике, стране нужны эффективные собственники, лёгкие на подъём исполнители своей, а не чужой воли, законопослушные хозяева своей судьбы.

Это неоспоримый приоритет. Обществу необходим новый тип работника, а не поверхностный «всезнайка». Поэтому либеральными сегодня вправе называться лишь те реформы, которые реально освобождают человека, приписанного к классу, от гнёта невыполнимых требований и вполне бессмысленных в наш бурный информационный век ограничений. Поэтому продуктивными будут те реформы, которые уберут из школы излишний контроль и дадут школьнику, родителям уверенность в том, что полученное образование соответствует их интересам. Именно такие реформы нуждаются в поддержке государства в первую очередь.

Нужна способность мыслить нестандартно

В 1970 г. группа американских психологов предприняла фундаментальное научное исследование с целью оценить влияние возраста человека на способность мыслить нестандартно. И оказалось, что творческие способности пропадают в 6–7 лет у 98% людей. Номер журнала «International Journal of creative psychology», где был напечатан их отчёт, пропал из крупнейших фондов. Как утверждают учёные, которые когда-то сами читали исчезнувший номер в нашей основной государственной библиотеке, это был действительно беспрецедентный для науки случай: тест из 200 вопросов составлялся авторами с таким умыслом, чтобы с ним мог справиться и взрослый, и ребёнок.

Дело в том, что известные тесты, включая IQ, адресованы обычно тем, кто может прочитать вопросы и записать ответ — для этого надо иметь определённый уровень школьного образования. В этом же тесте — совсем не обязательно. Кроме того, тот же IQ (в буквальном переводе: коэффициент интеллектуальности) предполагает точный и всегда заранее известный правильный ответ. В то время любая ненадуманная творческая проблема не имеет его в принципе. Она всегда нова, непредсказуема. И главное, решений у неё больше того одного, что заранее придумано составителями.

Как же мы испорчены классно-урочной процедурой, если не замечаем, что она проникла даже в индустрию телеразвлечений, где господствует теперь всё тот же примитивный школьный принцип «правильно — неправильно»! Телевидение незаметно сортирует нас, хотя и в шутку, на «стандарт» и «не стандарт», утверждая в подсознании людей Культ Однозначного Теста...

В американском же исследовании психологи подготовили вопросы, к которым можно подобрать сколько угодно оригинальных ключиков-ответов. Они изобрели задания с открытыми ответами, посылные каждому и в любом возрасте, если только человек способен самостоятельно соображать.

Вот, например, такое: «Как нужно встать, чтобы увидеть рядом стоящего человека сверху ногами, не отрывая собственных ног от пола?» (Один из возможных ответов: надо

сперва повернуться к объекту спиной, затем наклониться и посмотреть на него снизу вверх. Что, кстати, почти всегда спокойно, молча делали самые младшие участники эксперимента, и почти никогда — взрослые. Такая вот упрямая закономерность.)

Шаг за шагом учёные предлагали свой комплект вопросов людям от 70 лет и моложе. А результат — один: с тестом справлялись лишь двое из каждой сотни опрошенных. В 65 и 55 лет, увы, — всё те же два процента. Психологи ждали скачка. И он произошёл. В каком, вы думаете, возрасте? Первый — в семь лет: сразу 17% изящных, неочевидных решений! Второй скачок, ещё круче, — 37 (!)% показали шестилетние.

Что же это значит? Рассуждать и делать выводы из необычных цифр исследователи предоставили своим коллегам и просто желающим (строгий американский позитивизм не допускает каких-либо интерпретаций со стороны непосредственных организаторов научного эксперимента). Какие же выводы приходят в связи с этим в голову не самым глупым людям от науки, нашим с вами соотечественникам?

Гипотеза номер один («фатальная»). Возможно, подобно тому как физический рост прекращается у человека лет в 20, творческий рост завершается в семь. Нам остаётся только глубоко вздохнуть и развести руками: ничего не сделаешь. Сберечь бы и взлелеять два процента гениев, способных как-то преодолеть этот закон природы.

Вторая гипотеза («оптимистическая») гласит, что никаких пределов в плане творчества нет и не может быть. Природа-мать любит всех равной, одинаковой любовью (хотя и каждого по-своему). Но дальше происходит страшное: записываясь в первый класс в возрасте наивысшего расцвета наших природных дарований (в 7, 6, а кое-где даже в 5 лет), мы, 98% людей, и теряем своё творческое «Я». Это и установили авторы всеми забытого эксперимента. Они открыли не закон природы, но, может быть, главный закон воздействия школы.

Поверить в этот леденящий душу факт не так-то просто. Мы-то, наивные, думаем, что школа только даёт, а она, оказывается, ещё и отнимает в 98 случаев из 100 нечто такое, что определяет наше умение смотреть на мир «не так», «неправильно», по-своему. Это закон природы? Или «так мир устроен»? Как считают некоторые мыслящие специалисты в самых разных странах, так устроено образование, по образцу которого и создан этот мир. Такой парадокс!

Едва переступив порог школы, ученик слышит: возьмите ручки, откройте тетради и пишите палочки! Какие палочки? Зачем? Реакция учителя: «Не задавай лишних вопросов, умник!» И все молча сидят и выводят какие-то палочки. Первый урок: привыкайте выполнять чужие предписания, не размышляя. Правильный ответ знает только учитель, вам остаётся лишь его угадывать или покорно копировать... Учителей обязывает так поступать сама специфика профессии. Идёт целенаправленная, изо дня в день, сортировка всех детских идей на правильные и неправильные. Эта работа над нежелательными вопросами, возможно, и формализует человечество, подрывает творческое, духовное здоровье целых поколений...

Школа, даже демократическая, организована так, что вся её гибкость и свобода упираются в его величество Экзамен, где нужно опять-таки уметь правильно «выводить палочки». Так и проходит наша жизнь, в подготовке к очередному экзамену на «послушность ума». С первого класса и по пятый курс вуза нужно угадывать, чего от нас хотят экзаменаторы. И вот новое задание: занять своё место в жизни, найти дело, открыть предприятие. А вот этого-то мы и не умеем. Не проходили. И опять приходится, спрятав подальше собственное «я», интриговать, отгадывая, чего хочет от тебя твой непосредственный начальник.

«России нужны самостоятельные, инициативные, ответственные люди!» — не устают повторять, сменяя друг друга, реформаторы. Но где же их взять, самостоятельных, рискованных, мыслящих неординарно? «Требуется толковый сотрудник» — вызывают объявления о работе. Нет таких. Были, да всех разобрали.

Образование сегодня всё пронизано традициями, в то время как пора идти дальше, в постиндустриальный XXI век, где нужны не исполнительные и безгласные, а вполне са-

модостаточные люди. Способные искать и находить себя в условиях глобальной неопределённости.

Вдумайтесь: оказывается, у большинства из нас подрезана заложенная природой способность жить своим, а не чужим умом, нормальный вкус к эксперименту, поиску себя, саморазвитию. Размышляя о причинах этого, многие видные мыслители (от Ж.-Ж. Руссо до А. Швейцера и К. Роджерса) приходят к выводу: школа отсекает способность быть деятелем... Умение же питаться результатами чужой интеллектуальной деятельности (стандартными таблетками школьных истин) без ущерба для собственных творческих потенций даётся от природы далеко не каждому, только двум процентам из нас...

Так что вполне обосновано последнее, **пятое положение программы, определяющее ещё одно направление дел: чтобы создать условия для творчества ученика и учителя, надо уходить от сверхцентрализованной школы, создавать для образования новые экономические и организационные условия.**

Реформы целесообразны, если помогут каждому ребёнку отыскать, открыть своё главное и необходимое в жизни дело? Броди по студиям, делай свои ошибки, выдумывай, твори! Собирай крупички собственного опыта, пробуй силы в разных ремёслах и делах. Тогда и школа перестанет быть образовательной машиной лишь для подготовки отборных учеников.

В этом плане наше образование интересно сравнить, скажем, с американским. Примером может быть сравнение подготовки экономистов в Московском и Гарвардском университетах. Один из выпускников без труда ориентируется в мировой экономике, искусстве, литературе. Другой, наоборот: знает в основном алгоритм раскрутки своего товара, а спроси, что такое национальный доход — уже не ответит. В его знаниях нет глубины, но в деле, в условиях рынка наш соотечественник-теоретик проваливается, а прагматик-американец — умеет себя подать, предъявить товар, сделать деньги, грамотно вести дела. Понятно, что у нас только 20% молодёжи, по официальным данным, устраивается на работу после вуза по специальности.

Чтобы поднять Россию, нужны миллионы предпринимателей, а не философов. Вот задача образовательной политики. Вопрос в том, что в рамках господствующей классно-урочной системы эту проблему решать сложно. В каждой школе висит расписание — даже не пятилетний, а десятилетний план, ей дан список приказов, куда кому надо явиться и что сделать и получить. Всё это задаёт пространство несвободы, где дети годами учатся готовым решениям и «через не хочу». А в жизни, как известно, нет готовых ответов, там — полная свобода и сплошные вопросительные знаки...

Каждый, именно каждый, ребёнок должен максимально раскрыться по-своему. В этом состоит принципиальный вопрос реформ, ведь будущее России в руках мобильных людей, технологов собственной жизни. И если Россия хочет быть конкурентоспособной, она должна максимально освободить человека, его внутреннюю энергию, интеллектуальный потенциал. Школа же сегодня — остров командной организации в океане рынка. Это нужно преодолевать. Ответы на вопрос, какими должны быть необходимые шаги, в программах — официальной и альтернативной — принципиально различаются.